

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

На правах рукописи

Федотова Анна Кирилловна

РУССКАЯ ЛЮБОВНАЯ ЭЛЕГИЯ 1730–1770-х ГОДОВ

Специальность 10.01.01. — Русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата филологических наук

Санкт-Петербург

2018

Общая характеристика

Диссертационное исследование посвящено русской любовной элегии 1730–1770-х гг.

Элегия вошла в русскую поэзию с началом классицизма и вскоре стала одним из самых заметных жанров. В отличие от других классицистических жанров, она оставалась в поэзии в течение XIX и XX веков, жива она и в наши дни. На протяжении своей истории русская элегия знала несколько этапов развития, на каждом из которых претерпевала изменения, перерождалась. Свой расцвет элегия пережила в творчестве поэтов-романтиков, именно романтическая элегия привлекает наибольшее внимание исследователей, традицию жанра, как правило, возводят к ней. Этим отчасти объясняется относительно малая изученность русской классицистической элегии. Между тем XVIII век явился не просто подготовительным этапом, этапом становления жанра, но стал неотъемлемым важным периодом в его истории. Возникнув в русской поэзии в 1735 году, элегия, наряду с песней, идиллией и эклогой участвовала в становлении русской любовной лирики, явилась полем разработки языка любовного чувства. Без элегии XVIII века не может быть глубоко понят дальнейший ход развития любовной поэзии. Пристальное изучение классицистической элегии, таким образом, важно и необходимо для выявления основных закономерностей развития не только жанра элегии как таковой, но и русской поэзии в целом.

Элегии XVIII века посвящены труды Г. А. Гуковского и Б. Кронеберга, в которых ставятся отдельные важные вопросы, связанные с изучением этого жанра. Однако в современной науке не существует работы, разносторонне освещающей целостную картину развития элегии XVIII века, определяющей ее место в русской поэзии.

В диссертации рассматривается классицистическая элегия, ее становление и развитие. В исследовании учитываются все элегии, появившиеся в печати в 1730–1770-х гг., их список приведен в приложении. Хронологические рамки изучения жанра выбраны не случайно: именно в этот период была написано большинство элегий XVIII века, после чего она постепенно исчезает, возрождаясь уже в творчестве поэтов-романтиков. Корпус привлеченных к исследованию элегий в целом сопоставим с корпусом, рассмотренным Б. Кронебергом. Вместе с тем отличным становится подход к изучению материала, заключающийся в его комплексности. Так, один из наиболее важных вопросов диссертации связан с происхождением элегии в русской поэзии. В работе рассматриваются предпосылки возникновения этого жанра, характеризуются и

сопоставляются все предшествующие элегии жанры, оказавшие влияние на ее становление: песни, повести и переводные пьесы Петровского времени, фольклорные песни, первые любовные песни В. К. Тредиаковского и А. П. Сумарокова, предвосхитившие элегию, а также французская прециозная элегия XVII века.

Принципиальный вопрос, поставленный в диссертации, касается жанрообразующей основы элегии. В ходе сопоставления элегии с другими жанрами, раскрывающими тему любви (песней, идиллией, эклогой, трагедией), становится очевидным, что не только содержание и форма определяют ее как жанр. Важнейшей категорией выступает особая элегическая эмоция — тоска, печаль, грусть, лежащая в ее основе и выделяющая ее на фоне других любовных жанров.

Элегия XVIII века, как и другие классицистические жанры, выстраивается по образцу, в основе которого лежит ряд повторяющихся мотивов и элегических формул. В ходе изучения элегий 1730–1770-х гг. было выявлено, что к наиболее характерным общим местам жанра относится формула обращения героя к природе, восходящая еще к античности. С ней связаны и другие важные, неотъемлемые мотивы элегии — мотив слез и мотив безумия. Однако при всем кажущемся на первый взгляд крайнем однообразии, шаблонности классицистических элегий в творчестве поэтов этот жанр постепенно приобретал индивидуальные черты и особенности, проявившиеся на уровне формы, содержания, отразившиеся на самой манере описания любовных чувств. Движение шло от абстракции в изображении чувств к их конкретизации, разнообразию. Анализ этих особенностей, предпринятый в диссертационном исследовании, позволяет выявить закономерности развития жанра, определить его место в поэзии, а также проследить историю переживания любви в поэзии на протяжении XVIII века.

Актуальность диссертационной работы. Комплексное, разностороннее изучение элегии XVIII века важно как для выявления основных закономерностей развития поэзии классицизма, так и для изучения истории русской любовной поэзии в целом. Представление о русской элегии XVIII века во многом определяет наше представление о русской любовной лирике этого периода, о соотношении заимствованных и оригинальных элементов в истории русской поэзии, о важных сторонах творчества ее создателей, прежде всего А. П. Сумарокова.

Степень разработанности проблемы.

Изучение русской классицистической элегии XVIII века восходит к одной из глав книги Г. А. Гуковского «Русская поэзия XVIII века» 1927 года, в которой рассмотрены как любовные, так и тренические элегии 1735–1780-х гг, опубликованные в периодических

изданиях.¹ Г. А. Гуковский первым поставил вопросы о происхождении элегии и о ее соотнесенности с другими жанрами, дав общие ответы на них. Русскую классицистическую элегию он возводит к французской прециозной элегии XVII века и одновременно к лирическим монологам школьных драм, а также к песням Петровского времени, при этом материалов, подтверждающих такое решение, не приводит. Значительную часть главы Г. А. Гуковский посвящает элегиям Сумарокова, определившим традицию русской элегии классицизма, элегии других авторов лишь бегло характеризуются им. В основном его интересует сама «техника исполнения» элегии, история развития ее формы. Именно с этой точки зрения Г. А. Гуковский сравнивает элегию с эпистолой, трагедией, героидой; песня, идиллия, эклога остаются за рамками его сопоставлений. Не затрагивает он вопроса и об эмоциональной природе элегии. Высказанные Г. А. Гуковским почти сто лет назад положения нуждаются в верификации и уточнении, а намеченный им контекст — в расширении.

Лишь спустя 45 лет после главы Г. А. Гуковского вышла следующая работа о русской элегии XVIII века — монография немецкого ученого Б. Кронеберга.² В отличие от Г. А. Гуковского, Б. Кронеберг рассматривает элегию на фоне широкого исторического контекста, снабжая почти все главы своей монографии параграфами, посвященными развитию культуры и общественной мысли конкретного периода. Так, например, исследователь описывает предысторию жанра элегии, связывая ее с плачами XVII века. Считая недостатком исследования Г. А. Гуковского отсутствие в нем истории развития жанра, Б. Кронеберг стремится в хронологическом порядке проанализировать все элегии, собранные им главным образом по публикациям в русских журналах XVIII века, при этом списка рассмотренных им элегий исследователь не приводит.

Монография Б. Кронеберга отличается привлечением широкого круга материала, основательностью, точностью наблюдений. Исследователь подробно останавливается на содержании элегий, объясняя усложнение их сюжетов влиянием зарождавшегося сентиментализма. При этом вопросы, поставленные еще Г. А. Гуковским, Б. Кронеберг обходит вниманием. Так, проблема происхождения русской элегии остается для него второстепенной. Возводя ее вслед за Г. А. Гуковским к прециозной французской элегии, он за редким исключением не приводит, как и его предшественник, подтверждающих это мнение примеров. Вопрос о месте элегии в системе других жанров любовной поэзии также остается нерешенным.

¹ *Гуковский Г. А. Элегия в XVIII веке // Гуковский Г. А. Ранние работы по русской поэзии XVIII века. М., 2001. С. 72–116.*

² *Kroneberg B. Studien zur Geschichte der russischen klassizistischen Elegie. Wiesbaden. 1972.*

В последние десятилетия появился ряд исследований, затрагивающих историю русской элегии XVIII века. Как правило, в них классицистическая элегия понимается в русле работы Г. А. Гуковского. Так, Л. Г. Фризман в своей монографии об элегии XIX века элегий XVIII века касается вскользь, останавливаясь лишь на элегиях Тредиаковского и Сумарокова. В 1991 году им была издана антология «Русская элегия XVIII–начала XX века», в которой впервые был опубликован корпус элегий 1735–1770-х гг.

В центре изучения элегии XVIII века находятся элегии Сумарокова, которым посвящено несколько специальных работ. Так, анализ мотивов элегий Сумарокова приводится в статье М. А. Котомина, в статьях Л. Ф. Луцевич предпринята попытка разделить любовные и тренические элегии Сумарокова. Зависимость элегий Сумарокова от западноевропейской поэзии, в частности от сонетов Петрарки, затрагивается в работе И. А. Пильщикова, в статьях М. Левитта и Р. Вроона ставится вопрос о циклизации элегий Сумарокова, рассмотрению жанра элегии в системе других лирических жанров (песни, романа, оды, идиллии) посвящена работа Е. В. Саркисян.

В ряде работ рассматриваются стилистические особенности элегий других авторов, например, А. А. Ржевского.

Таким образом, сведения об элегии XVIII века разрознены, не систематизированы, а само представление о ней в конце XX–начале XXI вв. основывается на наблюдениях Г. А. Гуковского. Несмотря на монографию Б. Кронеберга, на данный момент не существует работы, комплексно и разносторонне описывающей развитие русской классицистической элегии XVIII века, а также ее роль в русской поэзии. В диссертационной работе восполняется эта недостаточность в исследовании жанра элегии.

Предмет исследования — русские любовные элегии 1730–1770-х гг.

Цель настоящей работы — определить истоки русской любовной элегии, комплексно описать русскую любовную элегию 1730–1770-х гг., определить ее место в русской поэзии XVIII века.

Цель работы определяет **конкретные задачи исследования**. К ним относятся:

- выявление всех любовных элегий, опубликованных в 1730–1770-х гг.,
- исследование соотношения русской элегии с книжными песнями, повестями и пьесами Петровского времени, народными песнями, французскими прециозными элегиями XVII века, а также ранними песнями Тредиаковского и Сумарокова,
- выявление устойчивых мотивов и общих мест русской классицистической элегии,

- определение связи любовной элегии с другими жанрами на материале творчества Сумарокова,
- исследование развития любовной элегии, выявление особенностей элегий разных авторов, определение степени их влияния друг на друга.

Материалом диссертационного исследования служат любовные элегии и некоторые тренические элегии 1730–1770-х гг., схожие по форме и стилю с любовными, опубликованные преимущественно в журналах, а также авторских сборниках А. П. Сумарокова, Ф. Я. Козельского, И. Ф. Богдановича. При отборе материала элегией признается стихотворение, имеющее заголовок «элегия». Они выявлялись на основании «Указателя к русским повременным изданиям...» и «Исторического разыскания о русских повременных изданиях...» А. Н. Неустроева, а также сквозного просмотра периодики XVIII века (1756–1800 гг.) и знакомства с поэтическими сборниками поэтов-элегиков. В ходе работы были учтены элегии, не указанные А. Н. Неустроевым. Элегии тренические, медитативные, пародии на элегии, стихотворения без жанрового обозначения, близкие элегии по содержанию и настроению, а также переводы из Овидия в работе рассматриваются только в исключительных случаях, так как они требуют отдельного подробного исследования.

Методологическая основа диссертации определяется материалом изучения. Исследование опирается на историко-литературный и историко-культурный методы. Помимо этого, привлекается метод сравнительного анализа, поскольку большинство русских элегий испытали влияние французских образцов. Для поиска этих образцов использовались сайты «Google Books» и «Gallica». Все элегии анализируются по нескольким критериям: 1) сюжету и мотивам, 2) эмоции, лежащей в их основе, 3) стилистическим, композиционным и языковым особенностям элегий каждого автора.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Становление жанра элегии в русской поэзии. На становление жанра элегии в русской поэзии влияние оказали сразу несколько традиций: отечественная литературная традиция Петровского времени (книжные любовные песни, переводные повести, драма), фольклорная песенная традиция, литературные песни первых поэтов-элегиков В. К. Тредиаковского и А. П. Сумарокова, с которых они начинали свое творчество, а также французская прециозная поэзия XVII века, в частности элегии Г. де Ла Сюз, считавшейся в России эпохи классицизма наиболее авторитетным автором элегий.

2. Степень влияния французской прециозной элегии на русскую. Французская прециозная элегия послужила ориентиром для русских поэтов: русская и французская элегии схожи по тематике, мотивам, из французской элегии русская заимствует ряд общих мест и формул. Однако, рефлексируя над природой элегии, русские поэты, в особенности Сумароков, стремились придать ей строгие классицистические границы. В сравнении с французской элегией, Сумароков заметно сужает спектр любовных переживаний, отводя жанру элегии лишь чувства печальные, грустные, наделяя ее настроением трагичным, безысходным.

3. Описание образца русской элегии, созданного Сумароковым. Элегия Сумарокова, сосредоточенная на чувстве как таковом, бессюжетна, абстрактна, умозрительна, лишена описаний, рассуждений. Благодаря минимализму художественных средств поэту удастся достичь высокой эмоциональной напряженности. Трагическая настроенность элегии, передаваемая с помощью многочисленных риторических возгласов и обращений, роднит ее с трагическим монологом.

4. Пути изменения классицистической элегии. На протяжении 1760–1770-х гг. русская любовная элегия остается однообразной и меняется мало, однако новые элементы постепенно проникают в нее. Трагическая настроенность элегии Сумарокова несколько смягчается его последователями, чувства начинают изображаться более детально и тонко, поэты уже не только называют и описывают чувства, но пытаются проанализировать их природу. Сюжет элегии усложняется, вводятся дополнительные персонажи, появляются рассуждения, описания, сравнения. Ярче всего это проявилось в элегиях Ф. Я. Козельского.

5. Пейзаж русской элегии. Собственно описания природы в русской элегии нет, детали пейзажа только называются. Герой, как правило, либо уходит на лоно природы, либо обращается к ней с мольбой. Эта важнейшая элегическая формула, свойственная еще римской элегии, через посредство прециозной французской элегии была перенята русской.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в том, что в нем впервые предпринимается комплексное, разностороннее историко-литературное изучение русской любовной элегии XVIII века. Впервые русская классицистическая любовная элегия рассматривается в широком контексте предшествовавших ей литературных традиций, сопоставляется с такими жанрами, как любовная песня, драма, повесть Петровского времени, а также с французской прециозной элегией XVII века. Прослеживается становление элегии внутри зарождающейся любовной поэзии в России, а

затем в соотнесении с любовной песней Петровского времени и ранними песнями Тредиаковского и Сумарокова. Проводится сравнительный анализ русских и французских элегий, определяется их тематическое и языковое сходство и различие, на основании чего делается вывод о степени оригинальности русской элегии. В диссертации впервые установлены французские источники двух переводных русских элегий — И. Ф. Богдановича «На смерть Галатеи» и М. М. Хераскова «На человеческую жизнь». В ходе работы выделены и описаны элегические мотивы и формулы, охарактеризован элегический пейзаж. На основании сопоставления жанров, близких элегии (песни, идиллии, эклоги, монологов трагедии) устанавливаются границы жанра, определяется место элегии в поэзии 1730–1770-х гг.

Практическая значимость работы обусловлена тем, что ее результаты могут быть использованы в общих и специальных курсах по истории русской литературы. Установленные параллели русских элегий с французскими могут быть использованы при подготовке академического Полного собрания сочинений А. П. Сумарокова, изданий стихотворений А. А. Ржевского, Ф. Я. Козельского, М. М. Хераскова, И. Ф. Богдановича.

Апробация работы. Основные положения диссертации были представлены в виде докладов на девятой международной научной конференции «XVIII век: топосы и пейзажи» (2014, Москва), на международной научной конференции «Литературное творчество Александра Петровича Сумарокова» к 300-летию со дня рождения писателя (2017, Санкт-Петербург), а также в виде докладов на открытых заседаниях Отдела русской литературы XVIII века ИРЛИ РАН (2013, 2015). По теме исследования опубликованы три статьи.

Структура работы определяется поставленными задачами. Диссертация состоит из введения, четырех глав, разделенных на параграфы, заключения, списка литературы из 182 наименования, из которых 35 на иностранных языках, а также приложения, в котором приводится список из 143 элегий, напечатанных в период с 1735 по 1780 гг. Во введении излагается история изучения русской классицистической элегии, обосновывается актуальность проблемы, формулируются цели и задачи исследования. В первой главе кратко освещается история русской любовной поэзии до появления любовных элегий Тредиаковского, дается краткий обзор истории французской элегии XVII–XVIII вв., преимущественно прециозной, которая оказала влияние на становление русской классицистической любовной элегии XVIII века, рассматриваются песни Тредиаковского и Сумарокова, предшествовавшие созданию элегий. Вторая глава посвящена элегиям Тредиаковского и Сумарокова: в ней рассматриваются их источники, сюжетные и

стилистические особенности. Сумароковская элегия, определившая все последующие элегии XVIII века, сравнивается с другими жанрами его творчества (идиллией, эклогой, монологами трагедий). В третьей главе освещается дальнейший ход развития элегии XVIII века в творчестве последователей Сумарокова, анализируются особенности элегий разных авторов (А. А. Ржевского, М. М. Хераскова, В. Д. Санковского), отдельно рассматривается переводная элегия И. Ф. Богдановича в соотнесении со своим оригиналом. В четвертой главе рассматриваются элегии 1769–1770-х гг., особое внимание уделяется элегиям Ф. Я. Козельского.

Основное содержание работы.

Во **Введении** излагается история изучения русской элегии 1735–1770-х гг., обосновывается актуальность проблемы, формулируются цели и задачи исследования.

Первая глава «Предпосылки возникновения русской любовной элегии XVIII века» посвящена проблематике истоков русской классицистической элегии.

В § 1 кратко освещается история развития темы любви в русской литературе начала XVIII века.

В Петровское время тема любви начинает проникать одновременно в самые разные литературные жанры: песни, повести, драму. В них говорится, как правило, о любви несчастной. Сближает их не только печальная тональность, но и некоторые образы и мотивы, например, мотив слез, льющих рекой, и мотив утраты разума от любви.

Наиболее близким к будущей элегии жанром становится любовная песня, описывающая страдания из-за разлуки или измены. Горестные чувства героев изображаются на фоне природы, выступающей свидетелем их несчастья. Обращение к природе с мольбой — одна из важнейших формул как книжной, так и народной песен, которая перейдет в дальнейшем и в элегию. Общим для книжной и народной песен, а также драматических монологов оказывается и образ горлицы или голубя, которому уподобляется герой. Влияние песен, драмы и повестей Петровского времени на любовную классицистическую элегию отчетливо прослеживается и на уровне образности: часто любовь сравнивается с тающим воском, а героиня/герой с тигрицей/тигром, львицей/львом.

Таким образом, до появления первой любовной элегии внутри самой русской литературной системы сложилась почва для возникновения этого жанра.

Вместе с тем, разрабатывая жанр любовной элегии, поэты обращаются к европейской поэзии, и главным ориентиром для них становится французская прециозная поэзия XVII века, о чем они говорят в своих теоретических трудах: «Новом и кратком

способе к сложению российских стихов» (1735) В. К. Тредиаковского и «Эпистоле о стихотворстве» (1748) А. П. Сумарокова.

В § 2 кратко освещается история французской элегии, более подробно характеризуется прециозная французская элегия XVII века, оказавшая влияние на русскую элегию, описывается ее сходство и различие с русской элегией на разных уровнях: сюжета, мотивов, образов, формул, языка, стиховой формы. Предлагается объяснение ориентации русских поэтов-элегиков именно на французскую элегию XVII века.

Французская любовная поэзия, в отличие от русской, имеет давнюю традицию, восходящую к любовной лирике трубадуров. Жанр элегии был популярен в XVI веке и разрабатывался поэтами Плеяды, однако во второй половине XVII века, знаменовавшейся расцветом классицизма, элегия не была востребованным жанром. Некоторое развитие элегия получила лишь в салонной прециозной поэзии. Среди прециозных поэтов на первый план как образцовый автор элегий выходит Генриетта де Ла Сюз (Henriette de Coligny comtesse de La Suze, 1618–1673), написавшая большее, по сравнению с остальными поэтами, число элегий. Именно ее как эталонного поэта отмечают В. К. Тредиаковский и А. П. Сумароков. Элегии французской поэтессы высоко ценились современниками, в том числе и Н. Буало, вообще критиковавшим прециозных поэтов.

В первую очередь русская элегия восприняла форму французской элегии: александрийский стих с парной рифмовкой. Французская прециозная элегия, как и будущая русская, представляет собой напряженный монолог, в котором герой/героиня жалуется на любовное несчастье. Любовь в ней воспринимается как несвобода, рабство, болезнь, одним из наиболее важных ее мотивов, перешедших затем в русскую элегию, становится мотив утраты покоя и разума.

Другим важным общим местом французской элегии, заимствованным впоследствии и русской элегией, становится формула обращения героя к природе: лесу, ручью, скалам, «пустыне», реке — с просьбой облегчить страдания.

Французская прециозная элегия оказала влияние и на формирование поэтического языка русской классицистической элегии. Наиболее часто встречающийся глагол в элегии как русской классицистической, так и французской прециозной, — «вздыхать» (*soupirer*). Опорными лексемами как во французской элегии, так и в русской выступают *larmes* (слезы), *les soupirs* (вздохи), *alarmes* (тревоги), *solitude* (одиночество), *transport* (горесть), *tourment, martyre* (мучение), *langueur* (томленье), *tyran* (тиран), *esclavage* (рабство). Сама гамма чувств французской элегии созвучна с будущей русской: *tristesse* (тоска), *ennui* (скука), *chagrin* (грусть), *douleur* (скорбь), *trouble* (тревога), *passion* (страсть), *ardeur* (жар), *tourment* (мука), *supplice* (мучение), *transport* (исступление).

Несмотря на ряд схожих черт, между французскими прециозными и русскими классицистическими элегиями есть серьезные различия. Одно из важнейших — это настроение, эмоция, лежащая в основе элегии. Во французской прециозной элегии изображение печального настроения смягчается эпитетом «приятный»: например, оксюморон «agréable trouble» («приятная беда») или «douce langueur» («нежная боль»). Русская любовная классицистическая элегия не усвоила игровой характер французской, ее настроение всегда исключительно печально, даже трагично, чувства героев доводятся до крайности. Подобный максимализм чувств лежит в основе русской классицистической любовной элегии и отличает ее от элегии французской.

Другое важное отличие русской классицистической элегии от французской прециозной состоит в самом понимании жанра и его границ. Жанровые рамки прециозной элегии, в отличие от русской, размыты: часто в элегиях присутствуют пасторальные мотивы, а герои называются пасторальными именами. Эта черта не была усвоена русской классицистической элегией.

Таким образом, французская прециозная элегия оказала влияние на становление русской классицистической, однако поэты, разрабатывавшие жанр, стремились придать ему четкие границы в рамках классицистической эстетики, поэтому подходили к французской прециозной элегии избирательно. Прямых подражаний элегиям Г. де Ла Сюз и других прециозных поэтов нет, за исключением нескольких переводов с французского.

Следующим шагом на пути создания любовной элегии были любовные песни Тредиаковского и Сумарокова, которым оба поэта отдали дань во времена своей молодости, задолго до обращения их к элегии

В § 3 характеризуются особенности любовных песен В. К. Тредиаковского и А. П. Сумарокова. Этот опыт первых песен поэтов отразился впоследствии на будущей элегии.

В § 3.1 сопоставляются песни и элегии Тредиаковского. В 1730 году Тредиаковский издал сборник стихотворений «Стихи на разные случаи». Почти половина их посвящена любви. Среди стихотворений выделяется «Плач одного любовника, разлучившегося с своей милой, которую он видел во сне», легший в основу элегии 1735 года «Не возможно сердцу, ах, не иметь печали». Сопоставление песни и элегии показывает, что элегия представляет собой усложненный вариант песни с измененной тональностью настроения, более трагичной в сравнении с песней. Это достигается путем введения риторических восклицаний и обращений. Сближается с песней и вторая любовная элегия Тредиаковского «Кто толь бедному подаст помощи мне руку?», содержащая рефрен-жалобу, повторяющийся шесть раз на протяжении всей элегии.

Таким образом, жанр любовной элегии мыслится Тредиаковским близким песне. И песня, и элегия представляют собой жалобу героя на свое несчастье, горе. Песня как бы вырастает, развивается в элегию, жанр более сложный в сравнении с ней.

В § 3.2 определяется зависимость элегии от песни в поэтической системе Сумарокова. До написания элегий в 1740-х гг. Сумароков прославился как автор любовных песен. Именно в песнях формируется язык, система образов, стилистические особенности всей любовной поэзии Сумарокова, в том числе и будущих элегий. По сюжету и стилю любовные песни Сумарокова условно можно разделить на три группы: песни элегические, тяготеющие к элегиям по настроению, идиллические, или пасторальные песни о пастушеской любви и песни близкие народным. Песни Сумарокова, посвященные несчастной любви, условно «элегические песни», часто перекликаются (как и у Тредиаковского) с его элегиями. Элегию и песню сближает мотив утраты разума, покоя от любви, а также формула обращения героя к природе, внимающей его страданиям. Элегия и песня имеют общую фразеологию: стоны, «токи слезны», «докуки», «страсть злая», жестокий рок — неотъемлемые элементы и песни, и элегии.

Таким образом, именно песня помогла поэту разработать жанр элегии и отчасти легла в его основу.

Вторая глава диссертации «Первые классицистические любовные элегии: элегии В. К. Тредиаковского и А. П. Сумарокова» посвящена особенностям элегий Тредиаковского и Сумарокова.

В § 1 рассматриваются две элегии Тредиаковского 1735 г., первые образцы любовной элегии в русской поэзии. Элегии объединены общей лирической героиней Илидарой, супругой героя. Первая из них, посвященная разлуке лирического героя с Илидарой, неоднородна по содержанию и настроению: от элегической печали поэт переходит к идиллической беззаботности и даже одической радости, а затем вновь возвращается к описанию страдания. Совмещая в себе элегические и идиллические черты, элегия Тредиаковского еще не имеет четких жанровых границ. По настроению и структуре она схожа с элегиями Г. де Ла Сюз, например, с пятой элегией из сборника первого тома «Recueil de pièces galantes...» «Je viens, cruelle Iris, les yeux, baignez des larmes...».³

Вторая элегия «Кто толь бедному подаст помощи мне руку?» (на смерть Илидары) так же, как и первая, лишена единства, однако она содержит меньше отступлений и

---

³ Recueil de pièces gallantes en prose et en vers de Madame la Comtesse de La Suze et de Monsieur de Pellisson, augmenté de plusieurs pièces nouvelles de divers auteurs. Nouvelle édition. Trévoux, 1725. T. I. P. 24—32.

проникнута одним настроением. В сравнении с первой, она, выражаясь языком ее автора, более «плачевна» и «печальна», то есть, более элегична.

В элегиях Тредиаковского различимо влияние нескольких традиций описания любовных чувств, хорошо ему известных: во-первых, это традиция любовных книжных песен, повестей и пьес Петровского времени, во-вторых, — народных любовных песен и, в-третьих, — французской прециозной поэзии. Все это отразилось на сюжетах, мотивах, настроении, системе образов, а также языке элегий поэта.

В §2 рассматриваются две анонимные элегии 1756 и 1757 гг., опубликованные в «Ежемесячных сочинениях». Они положили начало дальнейшей разработке жанра, предвосхитив опыт Сумарокова (обе элегии написаны александрийским стихом с парной рифмовкой). Несмотря на то, что в них прослеживается явное влияние Тредиаковского, по стиховой форме, стилю, объему, эмоциональной тональности они приближаются к элегиям конца 1750-х—начала 1760-х годов.

В §3 рассматриваются особенности элегий Сумарокова 1759 года, опубликованных в журнале «Трудолюбивая пчела».

Заслуга последовательной разработки жанра, а также его популяризации принадлежит Сумарокову, именно он создал тот тип любовной элегии, который просуществовал в России до 1770-х гг. Важной категорией, определяющей жанр элегии, становится настроение, лежащее в ее основе. Как и у Тредиаковского, элегии Сумарокова исполнены лишь скорбными чувствами: страданием, страстным томлением, тоской. Элегия, в представлении поэта, — стенание, плач, жалоба, обращенная, как правило, к природе.

Большая часть элегий Сумарокова 1759 года посвящена разлуке героя с возлюбленной, но независимо от темы, первостепенной для поэта становится передача эмоционального состояния лирического героя, история развития его взаимоотношений с возлюбленной остается за рамками жанра. Сосредотачиваясь на описании чувства как такового, Сумароков лишает элегию повествовательности, избегает отступлений, рассуждений, описаний, показывая чувства абстрактно, отстраненно.

Стараясь придать элегии четкие жанровые границы, Сумароков избирательно подходит как к опыту своего предшественника Тредиаковского, так и к материалу французских прециозных элегий, заимствуя только важные, с его точки зрения, мотивы и общие места. К ним относится мотив смерти, слез, утраты разума от любви, а также формула обращения к природе.

Немаловажную роль в формировании жанра элегии сыграла и поэтическая система самого поэта: безусловное влияние на элегии оказали его собственные песни,

создававшиеся им задолго до элегий. Своим трагическим началом элегии Сумарокова обязаны монологам его трагедий, которые он начал писать на двенадцать лет раньше элегий. Элегию и трагический монолог сближает крайняя степень интенсивности проявления чувств героев, высокая эмоциональная напряженность, передаваемая с помощью многочисленных риторических восклицаний и обращений. Общие у элегии и монолога трагедии форма (александрийский стих с парной рифмовкой), стиль, включая речевые обороты, мотивы.

В §4 рассматриваются элегии Сумарокова 1759–1760 гг. на случай (на смерть сестры, на болезнь супруги). В них, в отличие от элегий любовных, Сумарокову удалось достичь большей естественности, чувства в них показываются менее абстрактно.

§5 посвящен дальнейшей работе Сумарокова над любовными элегиями в сборниках «Разные стихотворения» 1769 года и «Елегии любовныя» 1774 года. В них вошли почти все элегии 1759 года, но они подверглись редактированию и были сокращены. Сопоставление элегий 1759 с элегиями 1769 и 1774 гг. показывает, что за пятнадцать лет Сумароков изменил свое понимание жанра элегии: если его ранним элегиям 1759 года свойственна крайняя напряженность чувств, трагичность, то элегии 1760–1770-х гг. заметно спокойнее по настроению, более повествовательны, лаконичны.

В §6 элегия Сумарокова рассматривается в контексте других жанров любовной поэзии (песни, идиллии, эклоги). С перечисленными жанрами элегию роднит тема любовных чувств, однако в каждом из жанров изображаются определенные оттенки любви, передаются разные эмоции: в элегии — печаль, мука, терзание из-за невозможности любви, в идиллии, как правило, — счастливая любовь или любовное томление, в эклоге — страсть, любовь чувственная, и только песня вмещает в себя все разновидности любви, изображая как счастливую, так и несчастную любовь, превосходя своей широтой другие жанры.

В третьей главе «Любовная классицистическая элегия 1759-1760-х гг.» прослеживается дальнейший ход развития жанра в творчестве последователей Сумарокова.

В §1. рассматриваются элегии А. А. Нартова, С. В. Нарышкина, А. А. Ржевского, К. Сумароковой, И. А. Дмитриевского, А. О. Аблесимова, опубликованные в 1759 г. в «Трудолюбивой пчеле». Несмотря на то, что в целом поэты идут вслед за Сумароковым, их элегии имеют ряд отличий: в них появляется сюжетность, намечается психологический рисунок поведения героев, вводятся дополнительные персонажи, а также отступления и рассуждения, используются образы животных. Все эти особенности наиболее ярко проявятся впоследствии в элегиях Ф. Я. Козельского 1769 г.

В § 2 выделяются особенности элегий А. А. Ржевского, одного из наиболее продуктивных авторов элегий XVIII века.

Испытав влияние Сумарокова, Ржевский заметно обновил любовную элегию. Изменения коснулись содержания, стиля и формы. Элегия Ржевского более детально изображает чувства, в ней намечается сюжетное движение, динамика развития чувств героя. Изменилось и настроение элегии: безысходность и трагизм Сумарокова несколько смягчились.

Обогащает Ржевский и элегический пейзаж: в элегию проникают реалистичные детали, например, упоминание деревни, в которую герой уезжает из Москвы.

Ржевский стремится к обновлению стиля элегии. Широко используя повторы, в частности, анафору, паузы, перебивающие ход монолога, поэт привносит живость, передает тонкие оттенки эмоций, точно показывая состояние смятения, растерянности и беспомощности. Ржевский экспериментирует с ритмическим рисунком и рифмой элегии, применяя разные метры и типы рифмовки, однако эта попытка так и осталась на уровне эксперимента, не укрепившись и не получив дальнейшего развития в русской поэзии XVIII века.

В § 3 описываются особенности элегий М. М. Хераскова. К ним относятся усложнение элегического сюжета, введение в элегию рассуждений (о природе любви и брака), использование сравнений и анималистических образов. Херасков стремится обновить форму элегии, так элегия «Еще мой жар к тебе, драгая, не потух...» представляет собой послание.

В § 4 характеризуются особенности элегий В. Д. Санковского. Одной из наиболее ярких новаций поэта становится его опыт сюжетного объединения элегий в своего рода цикл. Как и у Тредиаковского, его элегии объединены общей героиней. Эта особенность заставляет вспомнить элегии римских авторов — Проперция и Тибулла, посвященных Кинфии и Делии. С элегиями римских авторов элегии Санковского роднит и упоминание Галена, известного римского врача и хирурга I века н. э., диковинное для русской элегии XVIII века. Переклички с римской элегией не случайны: зная латынь, Санковский переводил элегии Овидия и скорее всего был знаком с творчеством других римских поэтов.

В § 7 рассматривается переведенная с французского элегия «На смерть Галатеи» И. Ф. Богдановича в соотношении ее с оригиналом, который был обнаружен в ходе работы над диссертацией. Это «Imitation de la XII *é*légie latine D'Adrien Reland, sur la Mort de Galatée» («Подражание XII латинской элегии Адриана Реланда на смерть Галатеи»), в свою очередь также представляющее собой перевод элегии новолатинского поэта

А. Реланда. В параграфе подробно сопоставляются новолатинская, французская и русская элегии, на основании чего делается вывод о степени самостоятельности элегии Богдановича. Перевод Богдановича не однороден в отношении точности: часть стихов переведена дословно, часть — близко по смыслу, часть — в разной степени изменена. В своем переводе поэт учел некоторые особенности русской элегии XVIII века, исключив эротизм, сведя к минимуму использование мифологических персонажей. В 1773 году поэт опубликовал новый вариант перевода, работа над ним в основном заключалась в последовательном изъятии стихов, описывающих страдания героя, внешность Галатеи, а также обращения к музам.

На примере элегии Богдановича можно проследить, как русская поэзия становилась частью поэзии европейской, принимая, используя и преображая древнюю и современную поэтическую традицию.

В четвертой главе «Элегии 1769–1770-х гг.» анализируются элегии Ф. Я. Козельского, а также элегии разных авторов, опубликованные в журналах.

В §1 характеризуются особенности элегий Ф. Я. Козельского, предпринимается попытка объяснить необычность, странность элегий поэта, отмеченную не только его современниками, но и исследователями.

В творчестве Козельского элегия заняла значительное место. Наряду с Сумароковым и Ржевским, он стал одним из поэтов, написавшим наибольшее число элегий. Темы их традиционны: разлука, охлаждение, неверность. Сохраняет Козельский и стиховую форму элегии: стихотворения поэта написаны шестистопным ямбом. Однако его элегии отличаются рядом особенностей, которые делают их необычными для XVIII века. Так, Козельский широко вводит в элегию рассуждения и описания, тем самым увеличивая объем классицистической элегии сумароковского типа, усложняет сюжет, используя вставные истории и распространенные сравнения, мифологические и анималистические образы, пытается объяснить поведение героев.

Другая особенность элегий поэта состоит в том, что треть его элегий написана от лица женщины. Таким образом, в элегиях Козельского получают выражение чувства женщины.

В сравнении с предшественниками, Козельский более детально изображает чувства: в его элегиях прослеживается развитие отношений возлюбленных. Герои, отвлекаясь от изливания чувств, переходят к их анализу, философствуя на тему любви, взаимоотношений и судьбы. Поэт изменяет и саму элегическую эмоцию: предметом изображения его элегий становится не только несчастная любовь, но и любовь взаимная, счастливая.

К одной из наиболее ярких особенностей элегий Козельского относится использование распространенного сравнения: чувства героя/героини могут сопоставляться не с предметом, а с целой ситуацией, например, герой 19-ой элегии, страдающий от неразделенной любви, уподобляется иссохшему от жары дереву, процесс увядания которого подробно описан. В сравнениях поэт широко пользуется анималистическими образами: наряду с традиционной горлицей появляются тигр, голубь, львица, волк, агнец и даже рыба.

Необычность элегий Козельского можно объяснить влиянием элегий Проперция и Овидия. Элегии Козельского и Проперция сближают размышления о любви, природе чувств, наличие пейзажа. Сходство с элегиями Овидия проявляется на уровне сюжета и мотивов: например, 6-ая элегия Козельского перекликается с 3-ей элегией первой книги «Скорбных элегий» Овидия.

В § 2 рассматриваются элегии таких авторов, как М. И. Попов, М. Пермский, а также ряд анонимных элегий, опубликованных в журналах в 1769–1770-х гг.

В целом все элегии этого периода написаны по заданному образцу. При внимательном прочтении возникает впечатление их натянутости и недоработанности. Авторы заимствуют, порой неумело, сюжеты, некоторые стилистические особенности своих предшественников. Это свидетельствует о постепенном вырождении классицистической любовной элегии. Наибольший интерес представляют шуточные элегии, высмеивающие «общие места» жанра, например, пейзаж.

В **Заключении** подводятся итоги исследования, высказываются соображения о причинах вырождения и исчезновения классицистической любовной элегии, намечаются перспективы дальнейшей работы.

Русская классицистическая элегия XVIII века имеет большое значение для понимания процесса становления и развития не только жанра элегии, но и вообще русской любовной поэзии. Классицистическая любовная элегия наряду с песней, идиллией и эклогой стала пространством для разработки любовной темы в русской поэзии. Задачей каждого из жанров было изображение конкретного оттенка чувства, эмоции. В элегии отразилась несчастная сторона любви. Одной из наиболее ярких особенностей классицистической любовной элегии, выделяющих ее на фоне остальных любовных жанров, стала ее трагическая тональность, глубина, интенсивность чувств, экзальтированная эмоциональность.

На протяжении 1735–1770-х гг. жанр практически не изменялся. На первый взгляд элегии разных авторов ничем не отличаются, повторяя сюжеты, мотивы, формулы друг за другом. Однако в процессе углубленного изучения и сопоставления элегий был выявлен

ряд особенностей, который позволил сделать выводы о ходе развития жанра не только в рамках поэтической системы в целом, но и в творчестве отдельных поэтов.

Исчезновение классицистической любовной элегии к концу 1770-х гг., по-видимому, было обусловлено как внутренними (однообразие, шаблонность), так и внешними причинами (влияние зарождающегося сентиментализма).

В диссертации впервые выявлены все элегии, опубликованные в 1730–1770-х гг., установлен генезис русской элегии, показано соотношение русской элегии с предшествовавшими ей жанрами: книжной песней, повестью, драмой Петровского времени, народной песней, французской прециозной элегией XVII века, а также ранними песнями Тредиаковского и Сумарокова, определена связь любовной элегии с другими жанрами на материале творчества Сумарокова. Путем выявления особенностей элегий разных авторов и определения степени их влияния друг на друга исследован ход развития любовной элегии на протяжении 1730–1770-х гг.

Дальнейшее изучение элегии может осуществляться за счет расширения материала исследования: привлечения любовных стихотворений, близких к элегии, но не обозначенных этим жанром, других видов элегий — тренической и элегии на случай, а также элегий переводных. Это позволит увидеть жанр на более широком фоне поэзии XVIII века. Другая важная перспектива исследования заключается в изучении элегий и элегических стихотворений двух последних десятилетий XVIII века, а также начала XIX века. Хронологическое расширение рамок исследования поможет проследить, как жанр элегии трансформировался, перерождался, переходя из эпохи в эпоху, из классицистической литературы в литературу предромантическую и романтическую.

Результаты диссертационного исследования представлены в следующих публикациях в научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

1. Пейзаж в русской элегии XVIII века // Русская литература. 2014. № 3. С. 105–117.
2. К истории создания одной элегии И. Ф. Богдановича // Русская литература. 2014. № 4. С. 120–126.
3. Элегии Ф. Я. Козельского // Русская литература. 2016. № 2. С. 65–76.